

юбилей

Музею личных коллекций
исполняется десять лет

триумф собирателей

Свою первую круглую дату музей (официально отдел Музея изобразительных искусств имени Пушкина) отметит скромно: планируется научная конференция-выставка, посвященная Илье Зильберштейну, чья коллекция стала основой музея. Рассказывает директор ГМИИ Ирина АНТОНОВА.

– Знаменитый коллекционер Илья Самойлович Зильберштейн решил подарить свою коллекцию ГМИИ, потому что у нас было очень хорошее собрание отечественной графики и рисунка. К тому же именно в нашем музее прошли две выставки, представлявшие работы из его собрания. И он был потрясен интересом, с каким отнеслась к ним публика. До сих пор храню эмоциональное воспоминание об одном из моих последних посещений его большой квартиры: на непривычно голых стенах одни веревки, с которых срезали картины... Уже после смерти Ильи Самойловича его вдова, Наталья Борисовна Волкова, вспоминала, что предложила ему тогда оставить в доме несколько вещей на память, но он отказался.

– **В вашем музее около тридцати собраний, подаренных старой гвардией собирателей. Вряд ли нынешние обладатели коллекций последуют их примеру. Для многих такая благотворительность – сегодня непозволительная роскошь.**

– И тем не менее нам продолжают дарить. Только что одна москвичка передала нам коллекцию старинной мебели, работ декоративно-прикладного искусства, благодаря которой публика сможет представить, каким был быт московского дома в конце XIX века. Буквально на днях по завещанию другого столичного старожила мы получили около двадцати живописных работ русских художников, и все они достойны находиться в нашей экспозиции. Вдова коллекционера Талочкина решила, что у нас будет храниться замечательная коллекция художников-нонконформистов, собранная ее мужем. А недавно графическую работу Врубеля мы получили от музыканта Максима Кончаловского. По его мнению, этот семейный раритет затерялся бы в фондах такого музейного гиганта, как Третьяковская галерея, тогда как у нас он всегда будет в экспозиции.

– **Что важно для вас при отборе вещей, когда вы представляете раритеты из частных коллекций на выставках?**

– Прежде всего качество, в котором сами владельцы не всегда могут разобраться. Надеюсь, мне простят потомки Кончаловского, если скажу, что еще недавно они не очень понимали, чем владеют. Благодаря выставке, научному каталогу, над которым работали наши сотрудники, мы собрали, показали и изучили не известный до сих пор пласт наследия художника.

Но не стоит думать, что все коллекционеры готовы показывать свои собрания публике. Есть собрания, которые тщательно скрывают. У одного из наших новых русских собирателей прекрасная коллекция отечественного авангарда. Я не однажды говорила ему: давайте покажем вашу коллекцию публике. Не хочет.

– **Чем вы объясняете такое нежелание сотрудничать с музеем?**

– Дело не в нас. Нам-то коллекционеры доверяют. У нас с ними установились отношения, которые бы я назвала прозрачными. Появление музея способствовало тому, что в обществе по-иному стали относиться к их деятельности – с пиететом, почтением, тогда как раньше коллекционирование считали в общем-то весьма сомнительным занятием с точки зрения закона. К тому же музей дал толчок серьезному изучению истории частного собирательства в России.

Коллекционеры сторонятся не музея, их пугают частые случаи грабежей художественных ценностей, о которых мы то и дело слышим. Многие опасаются, что их раритетами после выставок заинтересуются криминальные личности. Не случайно некоторые коллекционеры не отказываются показывать свои вещи у нас, но просят, чтобы мы не указывали имен владельцев. Их можно понять.

– **Вы бы рискнули предположить, что ждет музей в будущем?**

– Музей – в некотором роде барометр настроений в обществе. Будет оно доверять власти, и к нам придут новые и новые собиратели. Изменится ситуация к худшему – мы узнаем первыми: залы нашего музея опустеют.

Татьяна АНДРИАСОВА